

«Подруга поэтов» еще в одном зеркале

Где вы, прекрасные, добрые,
нежные...
Федор Сологуб

Петербургская кукла, актриска...
Анна Ахматова

Валерий Брюсов написал как-то Зинаиде Гиппиус, что поэзия вне соотносительности с автором теряет всякий интерес: неподписанные стихи читать скучно и бессмысленно. Какие бы сарказмы и попросту наветы ни посылали Анна Андреевна Ахматова в адрес того, кого они с Гумилевым между собой называли Valère (не мольеровская ли ассоциация?), она «от юности своея» все делала для того, чтобы по своему стереть грань между «поэзией» и «правдой»: жизнь творилась как легенда, поэзия в полную силу резонировала только при знании (точнее: ползнании, еще точнее: догадках) читателя об обстоятельствах жизни. Мудрено ли при этом, что герои ахматовской «Поэмы без героя», легко «опознанные» первыми ее слушателями, помнившими «некоторые петербургские обстоятельства», сразу же «подменили» своих реальных прототипов, заслонили их собою, отняли у них их подлинное бытие. Когда же к 70-м годам взросло племя дотошных «ахматоведов» и, подогреваемое подозрительно-недоброжелательным отношением власти к занятиям «серебряным веком», бросилось самоудовлетворенно копаться в околичностях эпохи, реальным «подруге поэта», «драгунскому корнету», «владыке Мрака» e tutti quanti пришел конец. «Избежал общей участи» и даже подвинул своего верного палача на отповедь за слова «с мертвым сердцем и мертвым взором» только «Демон сам с улыбкой Тамары», слишком уж был он прославлен и известен. Про остальных можно сказать, что раньше их охраняло спасительное забвение. Теперь же все, что ни узнавалось о них, интерпретировалось только в свете «петербургской повеи». Я, конечно, скажу трюизм, но: поставим героев «Поэмы без героя» самим себе и дадим их прототипам жить собственной жизнью, не то мы рискуем оказаться в положении человека, судящего об «императоре французов» или «герцоге Эльхингенском» по «Воине и миру».

Заметки Ольги Николаевны Арбениной (Гильдебрандт, 1897—1980) ставят своей целью воскресить черты реальной Ольги Афанасьевны Глебовой-Судейкиной. Арбенина — младшая современница Судейкиной, как и она, «подруга поэтов» (Гумилев, Мандельштам, Кузмин), как и она, «цветок театральных училищ» (или, если угодно, «маленькая актриса»), как и она, открывшая свой подлинный дар — акварелистки, в репидант к прикладничеству своей старшей тезки — сравнительно поздно, но выявившая себя в нем с наибольшей полнотой.

Когда в начале 1978 года Ольга Николаевна взялась за перо, чтобы зафиксировать то, что могла сказать об Ольге Афанасьевне, последней была уже посвящена французская диссертация-монография Элианы Мок-Бикер (рецензия на ее русский перевод 1993 г. см. в «РМ» №4011). Еще раньше блистательно эссе «Фея кукол» посвятил памяти своей покойной подруги А.С.Лурье («Воздушные пути». V. Нью-Йорк, 1967); даже в смысле фактических данных книга Э.Мок-Бикер прибавила к нему мало, не говоря уже о создании «образа», который у французской исследовательницы как-то расплывается за комплиментарной конкретикой. Зачарованные фактом защиты во французском университете диссертации о «Коломбине 10-х годов», советские «архивные юноши» устремились интервьюировать последних доживавших свой век «свидетелей и очевидцев». Одни ответили им сильно беллетризованными, написанными с «брио», но не вполне аутентичными

мемуарам, в которых воспели женщину с «волосами цвета циннадала» (и, право, за этот образ автору можно простить любые «фактические погрешности»), другие, как Ольга Арбенина, попытались донести до потомства черты подлинной Ольги Афанасьевны.

Заметки Арбениной, подобно заметкам В.А.Знаменской, тоже знавшей Судейкину в послереволюционные годы (хранятся в рукописном отделе б. Публичной библиотеки в Петербурге), для печати не предназначались. Они открыто полемичны. Но нас не должна удивлять их первая фраза: «Непонятный интерес совре-

Анна Ахматова
и Ольга Судейкина.
Петроград, ок. 1921 г.

менников к Ольге Афанасьевне Судейкиной!» По мере чтения становится ясно, что Арбенина недоумевает по поводу мифологизации реальной Судейкиной в свете «Поэмы без героя». Ей хочется вернуть Судейкиной ее реальный облик, при этом ничуть не принижая ее как личность, одаренную талантом художника-прикладника, но лишая ее черт исключительности.

Их, действительно, было немало — и просто, как сказал поэт, «красавицей той, когдашней России», и тех, кого Бог наделил тем или иным талантом — в том числе и талантом вдохновлять, участвовать в чужих замыслах, быть ценителем, дегустатором высшей пробы. Самых заметных в его кругу перечислил Георгий Иванов («Где Оленька Судейкина, увы, / Ахматова, Паллада, Саломея...»); перечень почти математически точный, как и перечень «самых русских» имен у Ахматовой («Ваньки, Васьки, Алешки, Гришки»), к нему можно было бы добавить разве что Боллу Казарзу, но это чуть-чуть другое поколение и чуть-чуть другой круг.

Мировая слава из этого женского созвездия досталась Ахматовой, и ее косвенным отблеском является «непонятный интерес» современных людей к реальной Ольге Судейкиной. «Непонятный» потому, что как личности, иногда и художественно одаренные, ни Паллада Богданова-Бельская, ни Саломея Андроникова-Гальперн, ни та же Ольга Арбенина несколько ей не уступали. Не говоря уже о том, что на роль русской m-me Récamier она совершенно «не тянет». С подругой Шатобриана неловко сравнивать даже Зиновьеву-Аннибал, даже Гиппиус. Не то время, не тот стиль. А ведь перед этим сравнением не остановился даже артистичный Лурье.

Будь иначе, книга Э.Мок-Бикер заняла бы место рядом со знаменитой монографией Эдуарда Эррио, посвященной la divine Julie. Если этого не произошло, то «вина», в значительной степени, в модели. И для того, чтобы из не вполне законной героини «житийной» литературы О.А.Судейкина стала просто женщиной, «прекрасной, доброй, нежной», из той породы, что стала исчезать в России к

О.Н.Арбенина.
Фото М.Наппельбаума.

середине 20-х годов, совершенно необходимо прочитать заметки Арбениной. Да и фактических сведений из этих безыскусных страничек можно почерпнуть немало. Оказывается, Ольга не была «хрупкой и грациозной», как пишет Мок-Бикер, — нет, «подвижная фигурка, легкая, хотя не художавая» (и это подтверждают фотографии), Судейкин изменял ей не в большей степени, чем она ему (особым поводом для ревности «Сергея», по устным разъяснениям О.Н.Арбениной, были некоторые специфические тенденции) Ольги, за которые ее, как и «Палладу», не любил Гумилев, а муж вышвырнул за порог, обмотав вокруг руки косу). Училась «Ольга» до театрального училища в Смольном институте «для благородных девиц» (вот вам и ученые монографии, пропустили!). Но «самое главное» — покончил с собой «Всеволод» не из-за нее (впрочем, и не из-за «генеральской дочки», добавим от себя; «дочка» только «предлог», «самопровокация», хотя как «факт» достовернее, чем Ольга, тем более, что ряд стихотворений, отнесенных учеными мужами к последней, обращен к Кузмину и адресат их пере-

О.Глебова-Судейкина в роли Фавна.
Введен в женский род издателем посмертного сборника стихотворений, отцом Князева).

И здесь мы вправе задать вопрос — а допустимо ли для поэта так «переосмысливать» отношения легко «узнаваемых» в его произведении современников, не есть ли это «сведения счетов» с эпохой, которой уже нет, и людьми, которые не могут ему ответить? Ахматова пыталась отмахнуться от этого вопроса, заданного ей в Ташкенте будто бы Абрамом Эфросом, но он неизбежен. «Ольге» благодаря «Поэме» досталась «замечательная посмертная память». Отчасти это можно сказать и о «Всеволоде», хотя он «воскрес» бы и благодаря стихам Кузмина, когда для них пришел свой час. Но какие слова подобрать для характеристики «посмертной памяти» о Блоке, Кузмине, Иванове... «Неудобно и реч затевать». Представляем слово Ольге Арбениной. Она говорит о своей ныне знаменитой, благодаря великой подруге, тезке.

МИХАИЛ ТОЛМАЧЕВ

Нюрнберг

Ольга Арбенина

О.А.Глебова-Судейкина

Неопубликованные мемуарные заметки

2/1.1978.

Непонятный интерес современников к Ольге Афанасьевне Судейкиной! Адрес, где она жила и где я впервые ее посетила, был, если не ошибаюсь, Фонтанка, №18. Там, в том дворе, жили мои знакомые, где я бывала с детства, но в другом флигеле. Во дворе был сад — О.А. прямо, в флигеле за садом. С Фонтанки — против сада Инженерного замка. Там, сколько помню, жила (или просто была в гостях) и А.Ахматова.

Я была очарована обстановкой комнаты. Синие обои и желтая скактерть. Картина Судейкина на стене, в золотой раме. Этажерка у дверей — на ней две чудесные куклы: сиамец и сиамка, перекинутая через плечо кавалера. Все куклы О.А. были хороши, но мне эта пара казалась лучше всех.

Рядом была другая комната — и там стояло пюфле, — т.е. тройное зеркало; чашки были (вероятно, со времен Судейкина) самые трактирные, с толстыми синими ободками с золотом, и на чашках — намалеванные розовые розы.

Не помню, в первый раз или в другой в гостях был Федор Сологуб — весьма хмурый старик, к которому очень почтительно обращались — то ли за советом, то ли за каким-то разрешением (стиль диалога). Он меня почти напугал!

Была ли О.А. хорошенькой? Скорее, да. Я с «высоты» моей юности (тогда) считала ее несколько поплекашей. Белокурые легкие волосы, подвижная фигурка, легкая, хотя не худощавая — «у нее все есть», сказали бы дамы любопытные!

Ахматова была с царственностью, со стилем обреченности. Как будто в темном. Но говорила весьма просто, если продолжала слегка кривляться (стиль бывшей, дореволюционной эпохи, который мне казался самым подходящим, к моей маме, например, привыкшей к другому стилю, более естественному — «19-го века», — казался неприятным: «в декадентских кругах!»). Отношения с Судейкиной дружелюбные. Что повлекло потом замечательную посмертную память об Оленьке?..

Мне казалось, в манере говорить у О.А. была легкая — очень легкая — слащавость и — как бы выразиться — субреточность. Вероятно, любившей господствовать Ахматовой эта милая «подчиненность» подруги была самой приятной пищей для поддержания ее слабых сил. Как верная Юлия Менген у низвергнутой Анны Леопольдовны...

Со слов Ю.Юркуна и М.Долинова (рассказывавших о «Бродячей собаке»), у четы Судейкиных были дикие скандалы. Будто бы Сергей Судейкин из ревности обмотал вокруг руки длинную косу Ольги и вышвырнул ее за порог на улицу. Будто бы в другой раз Ольга (из ревности) вскочила на подножку извозчика и зонтиком набила Сергея и его даму!..

Юркус к ним обоим относился очень хорошо, очень гордился дружбой Судейкина и мягко относился к слабостям Ольги. Юра вспоминал, как Судейкин подошел к нему, погладил по волосам и сказал: «Какие у вас, Юрочка, волосы! Как у меня! Такие женщины любят!»

И восторженное отношение к музыке. Кузмин и Юра могли заплакать от Моцарта, восхищение Судейкина (как у меня) было куда проще: слезы выступали от баркаролы Оффенбаха — эпизод из «Джуветты».

Судейкина я видела раз в жизни, провожая на вокзал «бедных измайловцев» на войну (они и не уехали!). Судейкин стоял в тамбуре вагона, держа в руках букет красных роз. Очень бледное лицо — но подробностей (т.е. наспуленные густые брови, темно-красный рот!) не помню.

Я говорила о нем с сестрой — та работала с актрисой Челеевой, у которой был роман (в юности) с Судей-

киным. Эта дама, уже немолодая, очень влюбчивая, имевшая и в то время любящих ее поклонников, вспоминала Судейкина с восхищением. Дон-Жуан №1. Зато ее сын от Судейкина терпеть не мог отца и фамилию имел другую. Кажется — моряк. Дело было на Волге.

Мне показывали дом, где жили Судейкины на ул.(?) — недалеко от Летнего сада. У них бывало очень симпатично, весело. Когда у Судейкина появилась новая любовь (ее звали Вера Шиллинг) — бывать стало как-то неудобно. Страсть Сергея к этой новой была столь яростной, что делалось нетактично у них сидеть и мешать их «счастью». Эта новая «завела» книжку и к страсти подключила материальный интерес. Ольга Афанасьевна была легкой, непрактичной, истинно божественной женщиной.

М.А.Кузмин говорил, что Судейкин, рисуя, был очень разговорчив и весел; иногда просил Кузмина: «Михонька, а какого цвета платье сделать — розовое или голубое?» — он меня побранивал, что, когда я рисую (изредка, у них в комнате, за круглым столом) — то я, как «тигр». Я, правда, ничем не могу отвлекаться и совершенно ухожу из жизни!..

Очень смешная фраза Кузмина об Ольге Афанасьевне — «Она в детстве училась в Смольном». Кто-то спросил: «Как? Разве она могла учиться в Смольном институте?» — «Ну, да. Но для не благородных девиц» (там в районе было такое учреждение, тоже — Смольный).

Я видела раз О.А. на концерте вместе с «Леночкой Анненковой» — они танцевали «полечку Евреинова».

Я не представляю себе О.А. ни серьезной актрисой, ни серьезной балериной; но куклы ее были первоклассной интересности и прелести.

Я никогда не была в Фонтанном доме; но на другой квартире Судейкиной и Ахматовой была — Фонтанка, угол набережной. Это ныне Фонтанка №2. Они переехали.

Памятно мне следующее — еще когда я была маленькой, моя сестра Маруся читала «Обрыв» и, вероятно, волновалась за судьбу Веры. Помню, она мне рассказывала о комнатах Веры и Марфиньки. Очень подробно. И вот, ее рассказ (а не собственное чтение романа) запомнился мне! Комната Ахматовой (с окном на Неву) — скорее темная, мрачноватая, никакой мебели не помню. Но вид на Неву был как бы самой комнатой.

А комната Ольги Афанасьевны (в другую сторону) выходила во двор. Зеленые грядки, похожие очень на сад-огород средневековья в Италии — с картины «Св.Георгий и дракон», — солнечная зеленая картина.

Я не помню Лурье — а сплетни соединили его с обеими подругами...

Я еще в гимназии слыхала о «Бродячей собаке», но не была там, конечно, никогда. Да и в «Привал» попала только после закрытия «Привала». Я с восторгом смотрела на «Судейкинский зал», Яковлева и Григорьева — не помню. Сидела в «Судейкинском гроте», но не помню златоволосую Судейкину. Наоборот, за спиной круглого диванчика, на котором я сидела, было изображение лжи с дамой-брюнеткой?

Ко мне подсада Маяковский, и я рассердилась, так как хотела поговорить с Колей Щербаковым, а вовсе не быть наказанной потом из-за Маяковского! М. был любезен, велел мне встать и одобрить мой рост. Я, желя его выкурить, говорила резко, что он, мол, не поэт. Он спросил, кто, по-моему, поэт. Я ответила: «Верлен и Блок». Он сказал, что он тоже любит В. и Б., но что и он «поэт тоже, поверьте мне».

Я помню (чья песенка?) какую-то «приваловского репертуара» песенку: